

МИУССКИЕ АНТИЧНЫЕ ПОСИДЕЛКИ - V

РГГУ, 29-30 марта 2013 года

КЕЛЬТЫ И АНТИЧНЫЙ МИР: От Ирландии до Малой Азии

История, археология, филология, лингвистика

МИУССКИЕ АНТИЧНЫЕ ПОСИДЕЛКИ – V:
«КЕЛЬТЫ И АНТИЧНЫЙ МИР: ОТ ИРЛАНДИИ ДО МАЛОЙ АЗИИ»

29-30 марта 2013 г. в Российском государственном гуманитарном университете состоялась международная научная конференция «Кельты и античный мир: от Ирландии до Малой Азии». Она была организована кафедрой истории древнего мира Института восточных культур и античности и представляла собой пятое мероприятие в ряду ставших традиционными «Миусских античных посиделок» - регулярно (начиная с 2009 г.) проводимых в РГГУ тематических конференций небольшого формата, посвященных тем или иным актуальным проблемам истории древности. К участию в нынешней конференции были приглашены исследователи из четырех городов России, а также Украины, Белоруссии, Великобритании и Канады – как антиковеды, так и кельтологи, специалисты в различных областях истории, археологии, лингвистики и филологии.

Участникам и гостям конференции до ее начала были предложены вопросы для обсуждения:

1. Современные исследовательские подходы и методы в кельтологии и антиковедении: сочетаемость, взаимодополняемость и противоречия.
2. Источниковая база для изучения взаимоотношений кельтов и античной цивилизации: трудности и перспективы междисциплинарности.
3. «Кельтская цивилизация», «кельтская общность», «кельтскость»: актуальность и проблемность дефиниций.
4. Формы и варианты политического, экономического, культурного взаимодействия кельтов и греко-римского мира. Всегда конфликт цивилизаций – или...?

5. Контакты и взаимодействия кельтов с варварскими этносами на периферии античного мира: политика, экономика, культура, этничность.

6. «Эллинизация», «романизация», «кельтизация»: историографические конструкты и/или историческая реальность.

7. Восприятие кельтов/галлов/галатов их современниками в письменной традиции, иконографии и др.

С приветственным словом к участникам конференции обратились зам. директора ИВКА *Н.П. Гринцер* и зав. кафедрой истории древнего мира Института восточных культур и античности *П.П. Шкаренков*. Во вступительном выступлении «Антиковедение и кельтология: “враждебные дисциплины”?» *О.Л. Габелко* (Москва) и *Т.А. Михайлова* (Москва), частично затронув перечисленные выше дискуссионные вопросы, остановились на наиболее актуальных проблемах, общих для названных отраслей гуманитарного знания. Докладчики сошлись во мнении, что, несмотря на исторически сложившиеся различия в подходах и методах, точек соприкосновения у кельтологических и антиковедческих исследований все-таки существенно больше, нежели противоречий. Данное обстоятельство оставляет за исследованием различных аспектов и вариантов взаимоотношений между античной цивилизацией и кельтским миром довольно богатые перспективы.

Всего было заслушано 10 докладов, разделенных на четыре секции соответственно хронологическому и географическому принципам (которые, по замыслу организаторов, были отражены в эмблеме конференции). Открыла работу секция, посвященная истории малоазийских галатов и их связям с эллинистической цивилизацией. *О.Л. Габелко* в докладе «Вифиния и галаты» рассмотрел основные события во взаимоотношениях переселившихся в Анатолию кельтов и Вифинского царства. Информация о таких контактах приходится на время правления Никомеда I (279 – ок. 255), Зиэла (240-е – ок. 230), Прусия I (ок. 230 – ок. 182), Прусия II (ок. 182-149 гг. до н.э.). Были рассмотрены наиболее яркие эпизоды переправы галатов в Азию Никомедом I в 278 г. до н.э., использования их вифинскими царями в качестве наемников и

пр. Особое внимание докладчика привлекли восемь опубликованных по большей части относительно недавно надгробных стел из Вифинии со сценами «галатомахии». По его мнению, изображения кельтов на них не только носят вполне реалистический характер (внешность, вооружение, иногда – «героическая нагота»), но и несут ценнейшую информацию о конкретных исторических событиях: захвате греческих полисов Киоса и Мирлеи в кон. III в. до н.э. Прусием I с помощью галатских наемников, а также практически не отраженных в письменных источниках каких-то конфликтах Вифинии с галатами. В царствование Прусия II, по мере свертывания военно-политической активности Вифинии в условиях усиления римского влияния на Востоке, галаты становятся одной из сил, на которые Прусий делал ставку в ходе своих антипергамских дипломатических акций. Наконец, отдельный интерес представляет интерпретация личных имен возможного кельтского происхождения, обнаруженных в надписях, на монетах и амфорных клеймах, территориально связанных с Вифинией. Доклад *А. Чошкун* (Уотерлу, Канада) «Латенские артефакты и локализация кельтских поселений в эллинистической Малой Азии: пессимистический обзор» был представлен по скайпу. Автор подверг системному анализу основные категории археологических объектов, которые традиционно связываются с галатами Малой Азии: так называемой галатской тонкостенной керамики, погребений с гробницами-тумулусами и металлических изделий, связываемых с латенской культурой (фибул, украшений и пр.). По мнению докладчика, эти данные, вопреки общему мнению, ни в коей мере не могут свидетельствовать о формировании и сохранении галатами собственной этнокультурной идентичности на уровне материальной культуры. Дело в том, что «галатская» керамика распространена только в Гордионе и к востоку от р. Галис, то есть на территориях, которые, как показывают новейшие исследования, стали областями расселения галатов достаточно поздно, ок. 100 г. до н.э.; она возникает уже в IV в. до н.э., и потому ее не следует связывать с галатами, а нужно именовать «эллинистическо-фригийской» или «эллинистическо-понтийской». Галатские погребения в ту-

мулусах (Хидыршихлар возле Клавдиополя/Болу, Блукий/Каралар, Гордион и Богазкей) не имеют аналогий у кельтов Европы и, напротив, широко распространены в самых различных регионах Малой Азии – по преимуществу тех, где присутствие кельтов не зафиксировано. Наконец, из 20 обнаруженных в Малой Азии латенских фибул лишь две с некоторой вероятностью могут быть связаны с Галатией, а ювелирные изделия из Хидыршихлар, Блукия и Гордиона слишком немногочисленны, чтобы их можно было с уверенностью атрибутировать именно малоазийским галатам. По мнению А. Чошкуна, многие элементы латенской культуры могли быть принесены в Анатолию не трокмами, толистобогиями и тектосагами в 278 г. до н.э., а галатскими наемниками из Фракии, нанимавшимися Атталидами, Селевкидами либо Митридами в более позднее время. *Е.В. Смыков* (Саратов) представил доклад «Галатия в I в. до н.э.: этническая территория – государство – провинция». Он отметил, что в I в. до н.э. Галатия оказалась в совершенно исключительном положении. До сих пор ее территория представляла собой своеобразный племенной анклав в мире эллинистических царств, чужеродный и по языку, и по культуре, и по уровню развития. На протяжении этого столетия она прошла путь от этнической территории с традиционным делением на три племени до единого царства – и затем навсегда утратила свою государственную самостоятельность. Связано это с потрясениями времени Митридатовых войн, когда была уничтожена значительная часть традиционной галатской элиты; Дейотар, тетрарх толистобогиев, смог воспользоваться этим. Формирование государства Дейотара, пожалуй, не имеет прецедентов в эллинистическом мире: типологически оно ближе к складыванию раннефеодальных государств Европы или централизованных государств в эпоху позднего Средневековья (однородная этническая среда, раздробленная на ряд традиционно независимых образований; наличие нескольких претендентов на единовластие; ожесточенная борьба между ними; значительное влияние на политические процессы личных качеств объединителя). При этом внутренние процессы в Галатии осложнялись активной ролью в регионе внешней силы –

Римской державы. В итоге Дейотару к концу жизни удалось объединить под своей властью всю территорию Галатии и закрепить за собой царский титул. Однако существование государства оказалось недолгим: в середине 20-х гг. I в. до н. э., после смерти царя Аминты, Август обратил Галатию в провинцию. Причиной этого было, скорее всего, то, что новообразованное государство не было достаточно сильным, чтобы обеспечить стабильность в Малой Азии, а рисковать безопасностью этого стратегически важного региона в условиях неурегулированных римско-парфянских отношений принцепс не хотел.

В двух выступлениях рассматривались проблемы этнокультурных контактов с участием кельтов на Балканах и, шире, в Восточной Европе и Барбарикуме в целом. *Г.М. Казакевич* (Киев) в докладе «Культурные контакты в балтийско-причерноморском регионе и проблема Гундеструпского котла» отметил, что обнаруженный в 1898 году в болоте Ревемёзе близ с. Гундеструп ритуальный котел является одним из самых узнаваемых символов «кельтской цивилизации», однако вопрос о его происхождении до сих пор остается дискуссионным. В настоящее время наибольшее распространение получила балканская теория происхождения котла, в пользу которой свидетельствует использование характерных для Юго-Восточной Европы технологических приемов обработки серебра, а также сильнейшее влияние на иконографию памятника со стороны фракийского и эллинистического искусства. С другой стороны, широкое распространение котла как типа ритуального сосуда на западе европейского Барбарикума, а также установленный последними исследованиями факт использования при изготовлении памятника серебра и олова западноевропейского происхождения ставят под сомнение данную концепцию. По мнению автора доклада, информация письменных источников об исключительной роли котла в религиозных представлениях кимбров, а также находка на территории Дании при сходных обстоятельствах типологически близкого ритуального котла из Ринкебю свидетельствуют о том, что создатели данного памятника учитывали вкусы и потребности именно тех

людей, которые спрятали его в болотах Химмерланда. Следовательно, место изготовления Гундеструпского котла следует искать в области латенизированных культур на севере Европы, куда влияние балканских и восточноевропейских традиций вместе с их носителями (квалифицированными ремесленниками) могло проникать по маршруту Подунавье - Приднестровье – бассейн Вислы - Ютландия. На рубеже эр по данному коммуникационному коридору осуществлялся обмен престижными и ритуальными предметами, а также идеями и технологическими решениями, лежавшими в их основе. Его существование реконструируется на основе информации Клавдия Птолема и Плиния Старшего, а также анализа ряда археологических находок (торквесы типа Хавор, восточнокельтские шлемы, ножны в стиле “*opus interasile*”), синхронных времени создания Гундеструпского котла и имеющих параллели в его иконографии. А.И. Фалилеев (Санкт-Петербург – Аберестуит, Уэльс) представил по скайпу доклад «Кельтское языкознание и античные Балканы». В нем были подведены итоги многолетнего изучения кельтских лингвистических данных этого региона, представленных личными именами и географическими названиями, известными по трудам античных авторов и эпиграфике. Их большая часть знакома и по другим регионам (ср. *Bononia* или *Noviodunum*), однако многие из них не имеют точных соответствий на кельтском западе, хотя составляющие части этих антропонимов и топонимов и известны в галльском (напр., топонимы *Lucunanta* и *Remetodia* на территории совр. Болгарии). Зафиксированное только в Греции личное имя *Ambicatos* помимо надежной кельтской этимологии имеет точную параллель в ирл. *Imchad*, огам. [A]mb[i]catos. В докладе отмечалась необходимость филологического подхода к анализу этих данных, что позволило исключить из обсуждения такие “ghost-forms”, как антропоним *Catubea* и топоним *Octabon*. Во второй части доклада было продемонстрировано, как изучение кельтской топонимики Восточной Европы в увязке с историческими наблюдениями и данными археологии может способствовать установлению и уточнению анклавов, на которых проживали носители древнекельтских диалектов в античности. В тре-

твей части выступления речь шла о перспективах исследования. Автор обратил внимания на несколько регионов западных Балкан и центральной Европы, где подобное исследование могло бы быть весьма продуктивно. В частности, было вновь предложено вернуться к «кельто-яподской» проблематике в связи с недавней попыткой некоторых исследователей увидеть на территории яподов кельтские топонимы. В докладе было показано, что галльский подход к их интерпретации является неоправданным, и это соответствует выводам историков и археологов по поводу «этнического» состава яподов. Для кельтского же языкознания более интересными и важными являются данные с т.н. «южно-паннонских» территорий.

Секция, посвященная взаимоотношениям римлян и кельтов на территории Галлии, была представлена также двумя докладами. С.А. Доманина (Нижний Новгород) выступила с докладом «Религиозно-политические процессы в Галлии в период принципата». Она отметила, что во всей галльской культуре в результате процесса романизации произошли очень глубокие изменения, но это не было полной ассимиляцией с утратой национальных корней и приоритетов. Во всяком случае, в сфере религии произошло, по словам Ж. Кулона, «настоящее взаимопроникновение... между галльской и римской цивилизациями». Прямые действия римской администрации в религиозной области ограничивались отменой человеческих жертвоприношений, введением культа императора (и связанного с ним культа Ромы) и уничтожением друидизма. Однако и это делалось постепенно (кроме искоренения человеческих жертвоприношений, которые с точки зрения римского права было обыкновенным убийством и подлежало немедленному наказанию). Традиционная галльская религия (но не друидизм!) в своих внешних проявлениях была весьма похожа на римскую. Хотя глубокие расхождения в ментальности кельтов и римлян не могли сделать метод *interpretatio Romana* всеобъемлющим фактором ассимиляции, вплоть до смерти Траяна этот подход, принятый на вооружение Римом, позволял успешно решать задачу удержания галльских племен от противодействия имперской власти и сам в определен-

ной мере (как и культ императора) являлся фактором обеспечения политической лояльности. Провал экспансионистской политики Рима и нарастающая германская опасность заставили Империю искать иные средства, способные изменить доминанту самоидентификации покоренных народов. Крупнейшей религиозной акцией, направленной на сохранение единства Империи через сближение римского и провинциального общества путем унификации религии, стало учреждение в самом Риме культа Ромы, который был до этого чисто провинциальным. Скорее всего, эти же причины обусловили и попытку подстегнуть политическим усилием процесс синтеза галльской и римской религий, основным элементом которой можно считать развернувшееся при Марке Аврелии массовое строительство в Галлии колонн со статуей бога-всадника на ангвипеде, которые, видимо, должны были выражать принцип единства галлов и римлян перед лицом варварского мира. Тема доклада *Ю.В. Куликовой* (Москва) была обозначена как ««Кельтское возрождение» в Галльской империи?». Автор отметила, что к середине III в. н.э. значительная часть населения империи склонна была видеть корень всех бед в отступлении от старых обычаев, и кризис способствовал возврату к прежним традициям. Термин «кельтский ренессанс», предложенный немецким исследователем А. Альфельди и поддержанный английским историком Р. Макмалленом, применяется к периоду существования «Галльской империи» (260-274), когда кельтская культура, стряхнув оковы римского владычества, будто бы воспрянула духом и стала жить собственной жизнью. Тем не менее, не стоит думать, что кельтская культура возродилась из небытия. А. Гренье на археологическом материале убедительно доказал, что она не погибла после римского завоевания Галлии, а сохранялась среди сельского населения, менее романизованного, чем знать. Наиболее ярко кельтские традиции проявлялись в обычаях, религии, языке и искусстве. Скорее всего, правильнее говорить о новом этапе развития романизированной кельтской культуры. «Кельтское возрождение» нельзя полностью рассматривать как результат кризиса III в. и разрушения имперской традиции в экономической, политической и культур-

ной областях. Если принять точку зрения ряда исследователей, то разрыв устоявшихся экономических и политических связей центра с провинциями произошел еще в конце II в. Галлия, Испания и обе Германии с началом кризиса вынуждены были перестраивать внутренние и внешние политические, социально-экономические и культурные взаимоотношения. Феномен «кельтского возрождения» может быть объяснен тремя взаимосвязанными факторами. Во-первых, его могли породить контакты с родственными и схожими по своей культуре регионами, расположенными еще дальше от Рима и поэтому менее романизованными; во-вторых, сказался экономический упадок; и, наконец, необходимо учитывать сам факт создания «Галльской империи», которая ограничила контакты с Римом и римской культурой. При этом нельзя говорить применительно к «Галльской империи» и о каком-либо особом «национализме»: речь может идти только о таком явлении, которое названо в зарубежной литературе «регионализмом». Римское влияние уже основательно проникло во все политические, экономические и социальные направления жизнедеятельности этого региона и заняло ведущую позицию. В создании «Галльской империи» превалирует политический, а не экономический импульс, который и должен был бы явиться базой для «кельтского возрождения». Оживление кельтской культуры и традиций, безусловно, имело место, но это «возрождение» в значительной степени было чисто внешним: ведь основа кельтской духовности лежала в религиозной организации друидов, которая была разрушена намного раньше. «Кельтское возрождение» показало, что местная культура в период независимости Галлии от Рима стремилась избавиться от римских наслоений, но уже не смогла этого сделать, и принципиальный возврат к старому оказался невозможным.

В ходе работы «островной» секции, посвященной различным аспектам истории Британии и Ирландии, выступили три участника. *А.Е. Барышников* (Калуга) в докладе «Римляне и бритты: проблемы взаимоотношений в I-II вв. н.э.» рассмотрел некоторые вопросы, связанные с историей романо-британских взаимоотношений накануне римского завоевания и в первые пол-

тора столетия существования провинции, а также их трактовкой в историографии. В XIX в. римляне рассматривались как цивилизованные повелители острова, жившие в городах и виллах, а бритты считались диким населением, попавшим в зависимость. С начала XX в. в науке стала чрезвычайно популярной идея «романизации», сформулированная Ф. Хэверфилдом. Согласно этой концепции, цивилизованные римляне воздействовали на примитивных бриттов, и римская культура активно влияла на местную, «романизировала» её. Подобные взгляды на отношения римлян и бриттов в современной историографии подвергаются активному пересмотру, доходящему порой до крайностей — отказа от термина «романизация» и скептическому отношению к возможности взаимовлияния римских и бриттских культурных традиций. В центр внимания докладчика были помещены два аспекта романо-британских отношений I-II вв. (анализируемых, прежде всего, на материале юго-восточных областей острова): контакты представителей бриттской элиты с Империей, а также соотношение и взаимодействие римского и туземного субстратов в возникновении и развитии городов провинции. Совокупность нумизматических (монеты царей южной и восточной династий), вещественных (инвентарь погребений в Лексдене, Стэнвее, Фолли Лейн), эпиграфических (надпись Тогидубна) источников вкупе с сообщениями античной традиции подтверждают мысль о том, что элиты бриттских племён были втянуты в отношения с Римом ещё до вторжения Клавдия. Факт романизации представителей племенных элит не может быть оспорен, однако стоит иметь в виду, что пристрастие к элементам имперской материальной культуры отнюдь не означает проримской политической ориентации — в этом плане отношения элит с Римом были нестабильными. В то же время особенности развития городов Римской Британии в I-II вв. позволяют сделать предположение, что в их жизни бритты играли бóльшую роль, чем принято считать. Связь крупнейших городских центров (Каллевы, Камулодуна, Веруламия) с традиционными культовыми центрами доримского времени, сохранение ряда своеобразных бытовых обычаев железного века в римскую эпоху, малочисленность

и специфическое содержание эпиграфических материалов указывают на преобладание бриттского субстрата даже в городах. Доклад *О.И. Малюгина* (Минск) «Кельтское возрождение в позднеримской Британии» был посвящен активизации кельтских традиций в искусстве и религиозной жизни британских провинций Римской империи во второй половине IV в. В данный период, после стремительного поначалу распространения на острове новой веры – христианства – отмечается его упадок. В религиозной сфере наблюдается возрождение интереса к традиционным местным культам, происходят реставрация старых и строительство новых храмов. Сходные тенденции отмечаются и в сфере искусства. В современной историографии причины этого «кельтского возрождения» трактуются по-разному: оно объясняется воздействием либо внешних, либо внутренних факторов развития. В целом проблема «кельтского возрождения» оказывается тесно связанной с нерешенным вопросом о степени романизации Римской Британии. Те из исследователей, кто считает ее значительной, склонны рассматривать «возрождение» как проявление действия внешних факторов. Напротив, ученые, подвергающие сомнению романизованность бриттов, выводят этот процесс из внутренних тенденций развития Британии либо вовсе отрицают справедливость применения данного термина к позднеримской Британии. Наиболее логичным представляется говорить скорее не о «возрождении» кельтского искусства и религии в IV в., а о сохранении этих традиций на протяжении долгого периода римского господства. Ослабление же римского влияния на острове и противостояние распространению новой веры стали катализатором тех тенденций, которые и обозначаются в современной литературе как «кельтское возрождение». Тема рецепции античного культурного наследия в средневековой Европе в целом и в Ирландии в частности была поднята в докладе *Т.А. Михайловой* «Гомеровские сюжеты в средневековой Ирландии». Список античных сюжетов, которые были популярны в Европе, очень не велик - это предания об Александре, переложения «Фиваиды» Стация, «Фарсалии» Лукана, «Энеиды» Вергилия и, конечно же, рассказ о падении Трои. К сожалению

нию, в обобщающих работах по данной тематике кельтский материал, как правило, не учитывается, в то время как именно он часто оказывается наиболее ранним. Так, например, ирландская сага «Взятие Трои» датируется уже началом X в. Докладчица остановилась более подробно на истории появления ирландской версии «Илиады» и показала, как суммарный прозаический латинский пересказ Дареса («О гибели Трои») приобрел специфические черты ирландской нарративной поэтики (в частности - использование приема «наблюдателя» в изображении персонажей). Ирландская версия «Одиссеи» («Блуждания Улисса»), как было показано в докладе, аналогичных параллелей не имеет: этот поздний памятник (XII-XIII вв.) напоминает скорее волшебную сказку, очень сильно отличается от текста Гомера и обязан своим происхождением, скорее всего, не сохранившейся устной традиции. Последняя по определению не может быть зафиксирована, но учитывать фактор устного предания в процессе рецепции античного литературного наследия в ирландской традиции представляется совершенно необходимым.

Доклады О.Л. Габелко, А. Чошкуна, Г.М. Казакевича, А.И. Фалилеева, С.А. Доманиной и А.Е. Барышникова сопровождалась презентацией изобразительного материала. Все выступления вызвали значительное количество вопросов и подверглись обстоятельному обсуждению участниками и гостями конференции. По завершении работы секций состоялась активная дискуссия, в ходе которой в целом удалось прийти к консенсусу относительно непродуктивности распространившихся в последнее время подходов «кельтоскептиков», доходящих порой до полного отрицания существования кельтов как этнокультурной общности; также в основном совпали мнения относительно плодотворности (в конечном итоге) взаимодействия кельтского мира и античной цивилизации в ее как эллинистической, так и римской составляющей.

Материалы конференции планируется опубликовать в выпуске ежегодника Института восточных культур и античности и Историко-филологического факультета РГГУ за 2014 год; помимо этого, планируется

издание на их основе (в расширенном и дополненном виде) отдельного сборника.

О.Л. Габелко,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории древнего мира
Института восточных культур и античности
Российского государственного гуманитарного университета